

УДК 316.758(470+476+477)

Специфические феномены постсоветской аномии (Беларусь, Россия, Украина)

С.А. САЛЬНИКОВА

Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки, г. Луцк, Украина,
E-mail: sv.salnikova@gmail.com

Авторское резюме

Ключевой особенностью постсоветской аномии является тотальная деморализация населения, снижение уровня которой происходит крайне медленно, порой за счет частичного увеличения уровня аномического безразличия. В украинском и российском обществах сильнее, чем в белорусском, проявляются феномены криминализации судебно-правовой системы, «захвата государства»; во всех трех – коррумпированности социума «кругом знакомых», его ценностно-нормативной системы, а также двойной институционализации. Наличие двойного институционального пространства позволяет выжить гражданам в сложных социально-экономических условиях, тем самым легитимируя соответствующий механизм ненормативной регуляции, ставший вследствие длительного влияния аномии нормой. Это значительно усложняет процесс «излечения» обществ от недуга, несовместимого с либерально-демократическим его устройством и претендующего называться гражданским.

Согласно теоретическим рассуждениям перспективы преодоления последствий постсоветской аномии в Украине, Беларуси, России лежат в русле (1) контроля за выполнением законов и наличия равенства перед законом, (2) активизации неинституционального пространства, способного выполнять функцию соединительного моста между социумом и властью и т.д. Первое направление в большей мере зависит от политики власти, второе – требует (3) открытости социума, возможностей получения личного опыта иной его упорядоченности, иных норм и ценностей, (4) накопления «критической массы» тех, кто не желает и не следует двойным нормам и ценностям.

Ключевые слова: постсоветская аномия, деморализация, двойная институционализация, тотальная коррумпированность, захват государства.

Specific phenomena of post-soviet anomy (Belarus, Russia, Ukraine)

S.A. SALNYKOVA

Lesya Ukrainka eastern european national university, Lutsk, Ukraine,
E-mail: sv.salnikova@gmail.com

Abstract

The total demoralization of the population is a core peculiarity post-Soviet anomy reduction of which is very slow, sometimes through partial increase in the level of anomic indifference. Phenomena criminalization of judicial and legal system, «state capture» manifest in the Ukrainian and Russian societies stronger than in Belarus, phenomena corruptness society by «circle of acquaintances» and corruptness its values and norms of the system as well as a double institutionalization manifest the same in all three societies. The double institutional space allows citizens to survive in difficult socio-economic conditions, thereby legitimating the appropriate mechanism of non-normative regulation that has become the norm by prolonged influence of anomy. This is a significant increasing complexity of the process «healing» from the anomy of any society that aspire to liberal-democratic order and claims to be civil.

According to theoretical considerations prospects for overcoming the consequences of the post-Soviet anomy in Ukraine, Belarus and Russia are within (1) control the implementation of laws and the availability the equality of all before the law and, (2) activation of non-institutional space that can function as a connecting bridge between the society and power, etc. The first direction depends more on authority policy, the second – requires (3) openness of society, opportunities for personal experience of another of its ordering of, of other norms and values, (4) the accumulation of a «critical mass» of those who do not want and do not live according to the double norms and values and standards.

Keywords: post-soviet anomy, demoralization, double institutionalization, total corruptness, state capture.

Постановка проблемы. Радикальные общественные изменения вследствие распада СССР «привели» некогда единое советское общество, а сегодня разные – белорусское, украинское, русское и др. общества – к состоянию, именуемому теоретиками (Р. Мертон, Р. Дарендорф) как феномен аномии, источник, механизмы и следствия которого достаточно ими описаны. Вероятнее всего, радикальность изменений, а также наличие идеологической трансформации, не позволила прогнозировать продолжительность, «глубину» и следствия аномии именно в обществах бывшего Советского Союза, из-за чего известный феномен получил название «постсоветская аномия», применительно к периоду, начавшемуся после 1991 года.

Цель исследования – состоит не столько в описании теоретических рамок собственно самой аномии, сколько в представлении особенностей именно постсоветской аномии с ударением на интересующие нас общества, а значит, привлечении рассуждений отечественных ученых по этому вопросу. Задачи статьи состоят в том, чтобы рассмотреть (1) самые существенные феномены в каждой из стран, специфику их проявления (2) очертить возможные пути их преодоления.

Анализ исследований и публикаций белорусских ученых показывает, что тематика постсоветской аномии напрямую ими не затрагивается, тогда как украинские и русские социологи активно изучают следствия неизбежной реакции социумов на столь резкие социальные потрясения, так или иначе затронувшие все бывшие республики СССР. Тематические публикации, составляющие основу для обоснования результатов данного исследования, более подробно проанализируем в следующем пункте.

Изложение основного материала. Анализируя данные результатов мониторинга Института социологии НАН Украины (1992–2002 гг.) в сравнении с соответствующими данными опроса

«Образ жизни советского человека» (руководитель проекта Ю. Левыкин, 1982 г.), Е. Головаха и Н. Панина выявили серьезные последствия постсоветской трансформации для нормативной системы, в том числе и норм морали. Украинские исследователи констатировали, что «показатель распространенности аномической деморализованности в первый же год независимого существования Украины превзошел все самые пессимистические ожидания» – более 80% населения были подвержены этому состоянию [1], что позволило справедливо определить его как феномен «аморального большинства»¹ – и это ключевая специфическая особенность постсоветской аномии.

Для изучения аномии в Украине использовались общепринятые в мировой социологии методики², в Беларуси и России аналогичных исследований не обнаружено, но по отдельным проявлениям аномической деморализованности (недоверие к общественным институтам, неуверенность в своих силах и будущем, всеобщее пессимистическое настроение, неопределенность норм и ценностей и т.п.) можно утверждать о ее почти тотальном присутствии в этих обществах в дезорганизованных 90-х.

С целью более полного представления особенностей (или характера) аномии украинского, белорусского и российского обществ рассмотрим некие ее существенные моменты, обоснованные в работах многих ученых, и имеющие место в той или иной мере в изучаемых обществах.

А. Завалев, анализируя вторичные данные (а именно, степень важности для россиян некоторых сфер их жизнедеятельности) опросов ВЦИОМа за период с 2005 г. по 2010 г., определил иной, очень важный сигнал: на фоне «относительного благополучия и устойчивой экономической ситуации» в России наблюдается «рост настроений аномичного безразличия и равнозначности». Таким образом, автор констатирует следующее: «Несмотря на то, что

за последние два десятилетия реформ в России произошли радикальные преобразования: кардинально изменились основы социально-экономической жизни общества, сложилась новая политическая система, качественно изменилась социальная структура общества, трансформировались культурные нормы, мировоззренческие установки людей, признаки постсоветской аномии продолжают сохраняться во всех сферах общественной жизни людей и их повседневной жизни» [8, с. 125]. Иными словами, можно гипотетически допустить, что снижение уровня аномической деморализованности российского, а также украинского и белорусского обществ происходит за счет частичного увеличения уровня аномического безразличия, а значит, имеет место соответствующий феномен как последующая его ступень этой специфической особенности постсоветской аномии.

Другой российский автор В. Кривошеев в статье «Особенности аномии в современном российском обществе» пишет о крайней форме аномии 90-х годов – «криминальной». По его мнению, последнее десятилетие XX века ознаменовалось открытым проникновением криминала во властные и бизнес-структуры практически всех уровней, которое сопровождалось многочисленными криминальными разборками, убийствами и другими преступлениями. «Небывалая криминальная насыщенность» в начале 2000-х перешла в «свою латентную стадию – на законодательный и судебный уровень» [7, с. 95-96]. Как следствие – серьезная травма коллективного сознания россиян: ностальгия по прежним порядкам, недоверие к либерально-демократическим принципам, желание навести порядок даже ценой «некоторых нарушений демократических принципов и ограничения личных свобод» [7, с. 95-96]. Следует обратить внимание, что латентность феномена «криминализация законодательно-судебной системы» не означает его отсутствия или полного исчезновения на данный момент, наоборот, именно свойство латентности нелегального института усложняет процесс «излечения» общества от «недуга», несомнимого с либерально-демократическим его устройством и претендующего называться гражданским. Выводы В. Кривошеева неплохо накладываются на украинскую реальность³ из-за глубочайшей «зависимости» законодательно-судебной системы Украины; по мнению европейцев, вопрос «верховенства права» в стране является самым острым.

Ю. Левада пишет об ином массовом, возникшем исключительно в постсоветских условиях, феномене – феномене тотальной коррумпированности: «В постсоветской ситуации разрушение авторитарных нормативных структур создало ситуацию коррумпированности всех ценностей и нормативных систем общества на различных уровнях (включая личностный) – не

менее серьезную и опасную, чем широко обсуждаемая коррумпированность его экономических и политических систем» [10, с. 512]. Л. Титаренко также считает, что вследствие симбиоза прежних норм и ценностей и новых советский белорус стал «парадоксальным» [12]; но амбивалентность мышления характерна и украинцу, и русскому⁴; вообще, восприятие и старых, и новых ценностей, норм в массовом сознании является характеристикой неопределенности ценностно-нормативного базиса, а значит, некой дезориентированности членов общества как следствия постсоветской аномии. Белорусский ученый А. Лаврухин пишет о тотальной коррумпированности социума «кругом знакомых», в условиях которой следование чрезмерно усложненным институционализированным правилам и нормам поведения является заведомо проигрышной поведенческой стратегией, «человек, имеющий хороших знакомых», более успешно решает свои проблемы [9].

«Проникновение криминала» В. Кривошеева неким образом пересекается с «индивидуальным активизмом» Н. Паниной и Е. Головахы [1], но в более радикальных формах. Действительно, в случае Украины речь идет об отчуждении общества от государства в условиях сращения власти и бизнеса, так называемого феномена «захвата государства» – это условия, когда представители большого бизнеса имеют возможность заполучать государственную собственность путем влияния на формирование базовых правил игры с помощью взяток чиновникам и/или политикам [15]. Следствием «захвата государства» или реакцией социума на такую «политику» власти стало отчуждение общества от государства, а значит уменьшения роли института формального права как регулятора действия людей. Пока властная элита делила национальные богатства между собой (не в пользу государства Украина), украинское общество научилось жить своей, параллельной жизнью. И ее (властную элиту) этот ход событий целиком устраивал, так как двойные стандарты перекладывали решение львиной доли жизненно важных задач с государства на само общество, а остальные решались не всегда и не для всех законным путем.

Речь идет о механизме, описанном Е. Головахой и Н. Паниной как феномен двойной институционализации, который сохранил старые нелегальные институты во многих сферах общественной жизни, придав легитимности им, а не новосозданным, а значит легальным. Именно наличие этого феномена в украинском обществе объясняет ряд вопросов, идущих вразрез с классическими теориями социальных изменений и социальных революций. Например, (1) почему уничтожение базовых социальных институтов в политической, экономической, социальной сферах жизни общества как нормативных его регуляторов привело к политической конфрон-

тации, развалу экономики, но не к социальному кризису; (2) почему, продемонстрировав всему миру сохранение социальной стабильности в условиях постоянно усиливающегося социально-экономического кризиса и тотальной аномии, Украине так и не удалось выстроить новый ценностно-нормативный базис; (3) какой латентный механизм уберег страну от социальных (религиозных, этнических, территориальных и т.д.) потрясений, но не позволяет двигаться к декларируемым демократичным идеалам?...

Е. Головаха и Н. Панина в научной статье «Постсоветская деинституционализация и становление новых социальных институтов в украинском обществе» [2] обосновали наличие двойного институционального пространства в постсоветских обществах, поскольку именно они, не «созрев» для перехода к рыночной экономике, оказались в условиях «институционального взрыва», т.е. ситуации, когда всеохватывающая институциональная реорганизация и принятие новых законодательных основ социальной жизни осуществляются в кратчайшие сроки.

Жизнеспособность и устойчивость такого пространства, учитывая временной эволюционный аспект образования и утверждения любого нового института, авторы объясняют тем, что новые социальные институты, скорее всего, «вызревали в недрах советской институциональной системы и в момент образования независимых государств СНГ приобрели легальный статус». Таким образом, «в новых государственных структурах практически без материального, социально-статусного и морального ущерба оказалась старая номенклатура; из советских институтов «блата» (всеобщего протекционизма) и «теневого экономика» ... сформировались институты частной собственности и предпринимательства»; «институт президентской власти во многом воспроизводит старую систему однопартийного управления, а институт партийных привилегий перерастает в систему привилегий для демократически избранной власти» [2, с. 9, 11] и т.д.

Парадокс двойной институционализации породил «симбиотическую взаимосвязь»⁵ (по Р. Инглехарту), в которой находится любой институт. Речь идет, во-первых, о двойных ролях принадлежащего к конкретному институту: этим объясняется (1) сращивание бизнеса и власти, поскольку народный избранник, депутат, также является крупным бизнесменом; (2) паразитирование частного бизнеса на государственной инфраструктуре, особенно в условиях тотальной коррумпированности, например, функционирование платных медицинских услуг как благотворительного фонда, принадлежащего занимающим руководящие должности в сфере медицины [6]. А также, во-вторых, – об альтернативных возможностях обращающе-

гося к услугам института: можно, например, обратиться к участковому врачу и пройти все круги ада врачей-специалистов в территориальной поликлинике бесплатно и безвременно, а можно сразу «подобрать» нужного специалиста либо в государственном заведении, либо в частном, оплатив полученные услуги. Е. Головаха и Н. Панина описывают такие практики как нелегальная врачебная и учебная (репетиторство), которые предполагают наличие альтернативы решения некоторых вопросов для любого среднестатистического украинца, чем обеспечивают его выживание (в том числе и предоставляющего услуги медика, учителя и т.п.). С позиции врача-хирурга, зарабатывающего нищенскую государственную зарплату, дополнительный заработок в виде приема «своих» пациентов также является вполне заработанным и честным (и нелегальным – и это важно!).

Но в этот симбиоз попадают не все, вероятнее всего, самые активные или те, кто оказался в нужный час в/на нужном месте, а значит, они-то и находятся в лучшем материальном и социальном положении. Существует вполне определенный риск для того, кто «хорошо пристроился» (причем, чем лучше «пристроился», тем риск больше) в случае: если государство значительно не повысит оплату труда, если оплата труда будет зависеть от объема и качества услуг, если степень личной ответственности за выполненную работу будет законодательно отражаться на качестве жизни и т.п. Такой же риск существует и для получателя незаконных услуг. И поскольку методы достижения своих целей в двойном институциональном пространстве вполне понятны и ведомы, порой кажется, что существует некая стабильность. На самом деле, общество испытывает двойную нагрузку, лавируя между двумя институтами – легальными и нелегальными, с одной стороны, и нелегальными, но легитимными, с другой. Отсюда – раздражение, неудовлетворенность, недоверие...

Слабость институциональных средств достижения цели в силу усложненности и запутанности легитимных норм и правил также привела к раздвоенности институционального пространства Беларуси, основной принцип действия в котором состоит не «по правилам», а «по знакомству и личной договоренности». Именно этот принцип либо сокращает, либо усиливает бюрократические мытарства по различным станциям обычного белоруса, понимающего, что закон – это право сильного.

Не имеет смысла опровергать, что поддержка двойного институционального пространства украинским, белорусским, российским обществами объясняется наличием феномена их тотальной коррумпированности (Ю. Левада, А. Лаврухин), подрывающего процесс легитимизации новых социальных институтов, и появлением состояния аномического безразли-

чия вместо активизации социальных действий.

Но самое важное здесь не то, что феномен двойной (или раздвоенной) институционализации присутствует в жизни этих обществ, а то, что самим обществам (какой-то их части) так жить стало удобно, поскольку они заполучили вполне стабильные методы достижения ряда конкретных задач. Самое важное является одновременно и самым прискорбным: такие двойные стандарты или двойная мораль – это уже состоявшийся легитимный механизм ненормативной регуляции в этих обществах. К тому же, наверное, именно сохранением двойного институционального пространства можно объяснить донныне действующие в них «совковые методы» [5]. А также то, что «двадцатилетний дрейф» этих стран состоялся. Но, как оказалось, это был «дрейф на обочину», в котором Украина переходит из страны социализма в сторону стран третьего мира [14, с. 445], а Беларусь не способна более продолжать советскую имитацию «счастливого общества».

Выводы. Ключевой особенностью постсоветской аномии является тотальная деморализация населения всех рассматриваемых стран, снижение уровня которой происходит слишком медленно, порой за счет частичного увеличения уровня аномического безразличия. Россия и Украина⁶, а также Беларусь⁷ избрали различные пути преодоления постсоветской аномии, находясь на полпути от тотальной аномии 90-х годов к «нормальному обществу».

В украинском и российском обществах более сильно, чем в белорусском, проявляются феномены криминализации судебно-правовой си-

стемы, «захвата государства», что объясняется наличием в них крупной частной собственности и, соответственно, олигархии. Во всех трех обществах имеют место феномены коррумпированности социума «кругом знакомых» и его ценностно-нормативной системы, двойной институционализации. Наличие двойного институционального пространства позволяет выжить в сложных социально-экономических условиях, тем самым легитимируя соответствующий механизм ненормативной регуляции, но усложняет процесс «излечения» обществ от недуга, несоместимого с либерально-демократическим его устройством и претендующего называться гражданским.

Согласно теоретических рассуждений можно предположить, что перспективы преодоления последствий постсоветской аномии в Украине, Беларуси, России лежат в русле (1) контроля за выполнением законов и наличия равенства перед законом (включая демонстрацию личных образцов поведения представителей власти разного уровня), (2) активизации неинституционального пространства, способного выполнять функцию соединительного моста между социумом и властью и т.д.

Первое направление в большей мере зависит от политики власти, второе – требует (3) открытости социума, возможностей получения личного опыта иной его упорядоченности, иных норм и ценностей, (4) накопления «критической массы»⁸ тех, кто не желает / и не следует двойным нормам и ценностям. Эти предположения требуют эмпирической обоснованности в дальнейших исследованиях.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Сущность феномена «аморального большинства» описывается следующим образом: «Моральные нормы человеческой порядочности и ответственности, регулирующие повседневное поведение людей, их взаимоотношения в различных ситуациях общения и деятельности, рассматриваются большинством взрослого населения Украины как нормы поведения «моральных аутсайдеров» [3, с. 20].

² Это методики измерения уровня аномии, социального цинизма, авторитаризма, социальной дистанции, а также и социального самочувствия, адаптированы и апробированы Н. Паниной.

³ Чего не скажешь о белорусской, где порядки во многом остались прежними и практически отсутствует олигархия, наиболее лично заинтересованная группа в «нужных» решениях на законодательном и судебном уровнях.

⁴ По мнению Ж. Тощенко, постсоветский человек - прибежище многих парадоксов, что свидетельствует о его «переходной» природе [13].

⁵ Или парную, двойную.

⁶ «Консолидация общества и формирование нового социального порядка в России осуществляется на основе умеренной автократии, сакрализации власти, великодержавной идеологии, ориентированной на евразийство, и подозрительности по отношению к Западу как потенциальной угрозе для возрождения «Великой России». Украинский путь «деаномизации» связан с попыткой государственно-национального самоутверждения, включающего весьма противоречивые составляющие - идеологию «европейскости», готовность противостоять автократии в сочетании с традиционализмом, изоляционизмом и верой в сакральную роль очередного оппозиционного политического харизматика» [4, с. 9].

⁷ «Преодоление» постсоветской аномии в Беларуси началось со второй половины 1990-х гг., когда курс развития страны был круто изменен в обратную сторону, вследствие чего и социальные настроения, и оценка социально-политической и экономической ситуации постепенно менялись на позитивные [11, с. 221]. Доминирование государства, наличие идеологии, политика социальных гарантий, с одной стороны, приостановили развитие общественной дезорганизации белорусского социума, с другой, продолжили политику патерналистских ожиданий и невысокой гражданской активности, поскольку государственные

структуры решали все основные вопросы без активного участия граждан. Таким образом, в белорусском обществе более, чем в других проявилось аномическое безразличие.

⁸ Е. Головаха пишет о «критической массе» профессионалов [3], но это не согласовывается с тем, что затянувшейся аномии более подвержены молодые и образованные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Головаха Е. Социальное безумие. История, теория и современная практика [Текст] / Е. Головаха, Н. Панина. – К.: Абрис, 1994. – 168 с.
2. Головаха Е. Постсоветская деинституционализация и становление новых социальных институтов в украинском обществе [Текст] / Е. Головаха, Н. Панина // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2001. – № 4. – С. 5-22.
3. Головаха Е. Феномен «аморального большинства» в постсоветском обществе: трансформация массовых представлений о нормах социального поведения в Украине [Текст] / Е. Головаха // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2002. – № 6 (62). – С. 20-22.
4. Головаха Е. Постсоветская аномия: особенности выхода из состояния аномической деморализованности в России и Украине [Текст] / Е. Головаха // Общественные науки и современность. – 2008. – № 6. – С. 5-10.
5. Соціолог Євген Головаха: «В Україні вгорі всієї суспільної ієрархії опиняються найжадібніші, найаморальніші й найпідліші люди» [Електронний ресурс] // Тиждень. – 2013. – № 13 (281). – Режим доступу: <http://tyzhden.ua/Society/75813>. – Назва з екрана.
6. Головні лікарі «приватизували» муніципальну лікарняну касу, або з чого почалась медична реформа? [Електронний ресурс] // Під прицілом. – 4.03.2013. – Режим доступу: www.p-p.com.ua/articles/30790/. – Назва з екрана.
7. Кривошеев В.В. Особенности аномии в современном российском обществе [Текст] / В.В. Кривошеев // Социс. – 2004. – № 3. – С. 93-97.
8. Завалев А. Постсоветская аномия общества [Текст] / А. Завалев // Власть. – 2012. – № 5. – С. 121-125.
9. Лаврухин А. Специфика соционормативного регулирования в Республике Беларусь [Текст] / А. Лаврухин // Перекрестки. – 2011. – № 1-2. – С. 79-95.
10. Левада Ю. От мнений к пониманию [Текст] / Ю. Левада. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 574 с.
11. Русецкая В.И. Оценка населением политической ситуации в Беларуси [Текст] / В.И. Русецкая // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси: социологический анализ. – Минск, 2004. – Вып. 5. – С. 221-224.
12. Титаренко Л.Г. Постсоветская трансформация демократии: западные и отечественные интерпретации [Текст] / Л.Г. Титаренко // Философия и социальные науки: Научн. журн. – Минск: «Вышэйшая школа», 2008. – № 1. – С. 21-27.
13. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек [Текст] / Ж.Т. Тощенко. – М.: Гардарики, 2001. – 398 с.
14. Шульга Н.А. Дрейф на обочину: двадцать лет общественных изменений в Украине [Текст] / Н.А. Шульга. – К.: Друкарня «Бізнесполіграф», 2011. – 448 с.
15. Hellman J.S. Measuring Governance, Corruption and State Capture. How Firms and Bureaucrats Shape the Business Environment in Transition Economics [Text] / J.S. Hellman, J. Geraint, D. Kaufman, M. Schankerman // World Bank Policy Research. – Paper 2312, 2000, April.

Статья поступила в редакцию 13.11.2013

REFERENCES:

1. *Golovakha E., Panina N.* Sotsialnoe bezumie. Istoriya, teoriya i sovremennaya praktika (Social madness. History, theory and practice of modern). Kyiv, 1994, 168 p.
2. *Golovakha E., Panina N.* Postsovetskaya deinstitutionalizatsiya i stanovlenie novykh sotsialnykh institutov v ukrainom obshchestve (The post-Soviet de-institutionalization and the emergence of new social institutions in the Ukrainian society). *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*, 2001, no. 4, pp. 5–22.
3. *Golovakha, E.* Fenomen «amoralnogo bolshinstva» v postsovetskom obshchestve: transformatsiya massovykh predstavleniy o normakh sotsialnogo povedeniya v Ukraine (The phenomenon of «immoral majority» in the post-Soviet society: the transformation of mass representations of the norms of social behavior in Ukraine). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsiyanye peremeny*, 2002, no. 62, pp. 20–22.
4. *Golovakha, E.* Postsovetskaya anomiya: osobennosti vykhoda iz sostoyaniya anomicheskoy demoralizovannosti v Rossii i Ukraine (Post-Soviet anomy: features out of the state of anomic demoralization in Russia and Ukraine). *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, 2008, no. 6, pp. 5–10.
5. Socioloh Evhen Golovakha: «V Ukraini vgori vsijej suspilnoi ijerarhii opynjajutsja najzhadibnishi, najamoralnishi j najpidlishi ljudy» (Sociologist Evhen Golovakha: «In Ukraine at the top of the whole social hierarchy find themselves the most greedy, the most amoral and the most dastardly people»). *Tyzhden*, 2013, no. 13 (281). Regime to access: <http://tyzhden.ua/Society/75813>
6. Golovni likari «pryvatyzuvaly» municypalnu likarnjanu kasu, abo z chogo pochalas medychna reforma? (Head doctors «privatized» municipal hospital cash, or where medical reform began?). *Pid prycolom*, 4.03.2013. Regime to access: www.p-p.com.ua/articles/30790/
7. *Krivosheev, V. V.* Osobennosti anomii v sovremennom rossiyskom obshchestve (Features of anomy in contemporary Russian society). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2004, no. 3, pp. 93–97.

8. *Zavalev, A.* Postsovetskaya anomiya obshchestva (The post-Soviet anomy of society). *Vlast*, 2012, no. 5, pp. 121–125.
9. *Lavrukhin, A.* Spetsifika sotsionormativnogo regulirovaniya v Respublike Belarus (Specificity Socionormative regulation in the Republic of Belarus). *Perekrestki*, 2011, no. 1–2, pp. 79–95.
10. *Levada, Yu.* Ot mneniy k ponimaniyu (From the opinions to the understanding). Moscow: *Moskovskaia shchkola politicheskikh issledovaniy*, 2000, 574 p.
11. *Rusetskaya, V. I.* Otsenka naseleniem politicheskoy situatsii v Belarusi (Public assessment of the political situation in Belarus). *Sotsialnye i sotsiokulturnye protsessy v sovremennoy Belarusi: sotsiologicheskii analiz*, Minsk, 2004, Vol. 5, pp. 221–224.
12. *Titarenko, L. G.* Postsovetskaya transformatsiya demokratii: zapadnye i otechestvennye interpretatsii (The post-Soviet transformation of democracy: the western and domestic interpretation). *Filosofiya i sotsialnye nauki. Minsk: «Vysheishaia shkola»*, 2008, no. 1, pp. 21–27.
13. *Toshchenko, Zh. T.* Paradoksalnyy chelovek (The paradoxical person). Moscow: *Gardaryky*, 2001. 398 p.
14. *Shulga, N. A.* Dreyf na obochinu: dvadtsat let obshchestvennykh izmeneniy v Ukraine (The drift to the margins: twenty years of social change in Ukraine). Kyiv: *«Biznespoligraf»*, 2011, 448 p.
15. Hellman J.S., Geraint J., Kaufman D., Schankerman M. Measuring Governance, Corruption and State Capture. How Firms and Bureaucrats Shape the Business Environment in Transition Economics. World Bank Policy Research. Paper 2312, 2000, April.

Сальникова Светлана Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент
Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки
Адрес: 43025, г. Луцк, просп. Воли, д. 13
E-mail: sv.salnikova@gmail.com

Salnikova Svetlana Anatolevna – PhD in sociology, associate professor
Lesya Ukrainka eastern european national university
Address: 13, Voli Avenue, Lutsk, 43025
E-mail: sv.salnikova@gmail.com